

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

СТАРИЧЕНОК В. Д.

К ПРОБЛЕМЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ПОЛИСЕМАНТОВ

(На материале белорусских говоров)

Одним из существенных факторов, влияющих на организацию и развитие семантической структуры слова, является территориальное распространение отдельных лексико-семантических вариантов (в дальнейшем — ЛСВ). Этим фактором (и другими причинами, так или иначе с ним связанными) в сущности и определяется основное отличие семантики слова в народных говорах от литературного языка. Внимание к семантическому варьированию полисемантов в диалектной речи в последнее время все более возрастает. Этому способствует создание ряда национальных и региональных лингвистических атласов, работа над составлением ОЛА и ЛАЕ, значительное количество карт в которых посвящено семантике¹, а также интерпретация картографируемых явлений [6—11]. В работах теоретического и описательного плана (их не так много) вопросы полисемии в народных говорах чаще всего рассматриваются наряду с другими проблемами диалектной лексики или частными вопросами лексической семантики [12—20]. При этом материалом для описания полисемантов служит, как правило, какой-либо определенный говор или несколько смежных диалектов [19—23], где по существу отсутствует территориальная характеристика ЛСВ. А ведь уже было замечено, что ареальное изучение семантики слова является одним из самых актуальных вопросов лингвистической географии [24].

Вслед за Ф. П. Филиным и другими исследователями [15, с. 127; 25, с. 187—189] мы допускаем квалификацию ЛСВ, засвидетельствованных в различных, часто территориально не связанных говорах, как компонентов единой семантической структуры, ибо в каждом диалектном континууме наблюдается не только типологическое подобие, обусловленное общностью происхождения и общими тенденциями развития в условиях взаимодействия друг с другом и литературным языком, но и сходство конкретных реализаций на различных языковых уровнях [25, с. 189; 26]².

Границы распространения отдельных ЛСВ довольно динамичны и не всегда очерчиваются выразительной линией. Как правило, уже в пограничных диалектных массивах (при сохранении общего очертания ареала) обнаруживается некоторое семантическое варьирование отдельных компонентов семантической структуры слова, заключающееся в частичном изменении денотативной (предметной) соотношенности, эмоционально-экспрессивной окраске, а также дистрибутивной характеристике. На последующих участках эти изменения становятся все более ощутимыми, переходящими от качественных изменений отдельных ЛСВ к преобразо-

¹ Если, к примеру, в Диалектологическом атласе белорусского языка семантике посвящена одна карта [1], то уже в проекте Лексикологического атласа этого же языка семантическому варьированию отводится более 200 карт [2]. Целые серии семантических карт нашли свое отражение в Малом атласе польских говоров, атласе Кашубщины, Атласе литовского языка, которые в ряде случаев представляют собой отражение довольно сложных лексико-семантических явлений [3—5].

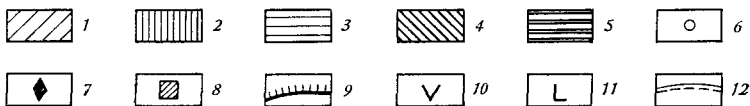
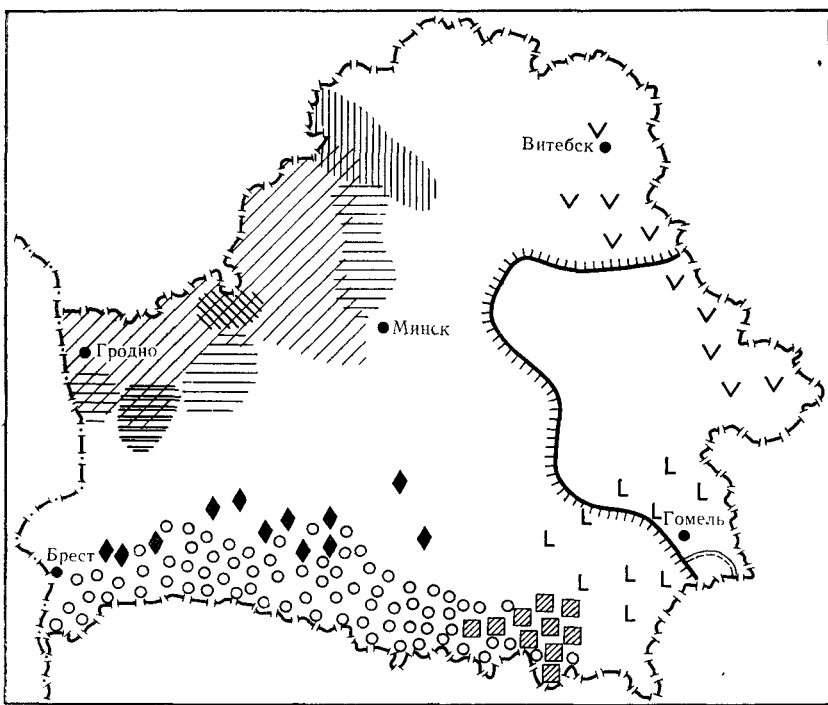
² Правда, лексический материал одного говора дает большую возможность отражения семантической структуры слова, всего многообразия функционирования ЛСВ в речи, характера взаимодействия литературного языка и говора [25, с. 187; 27, с. 7, 13; 28].

ваниям семантической структуры в целом, в ряде случаев сопровождаемых фонетико-морфологическими изменениями (см. карту ³). Фонетико-морфологические преобразования слова могут осуществляться без изменений семантического плана [*асцё* (*вóсць*) → *асцё́е*, *асцю́кі*, *асцю́лькі* «ость», *ру́я* (*ру́я*) → *ру́іна* *ру́йка*, «стадо волков»], классифицируясь в этом случае как фонетические (*вóсць*, *ру́я*) или морфологические (*асцё́е*, *асцю́кі*, *асцю́лькі*, *ру́іна*, *ру́йка*) варианты слов. Фонетические варианты, обусловленные регулярными фонетическими изменениями (например, особенностями брестских говоров) и не приводящие к нарушению семантического тождества слова, при анализе семантических явлений, как правило, не учитываются. В случае одновременной дифференциации фонетического или морфологического облика слова и его семантики (*ро́йста* «заболоченное место в лесу», *ро́йставіна* «непригодное для обработки поле, земля», *сўкаратка* «петля или узел на полотне», *сўкрак* «кривое бревно, дерево») вновь образованные единицы классифицируются как различные слова. В отдельных случаях семантические преобразования морфологических (фонетических) вариантов тождественны семантическим трансформациям исходных слов, ср.: *сліж* «мелкая рыба; изделие из муки» → *сліжык* «то же», *дру́з* «мусор, всплывающий поверх воды; студенистое месиво» → *друза́* «то же», *лёк* «сила; разум; сок» → *клёк* «то же» и др. Аналогичный путь семантического развития исходной формы и ее морфологического (фонетического) варианта (в различных говорах он имеет своеобразное преломление) зависит от степени влияния семантики производящей единицы на производную, заключающегося не только в сохранении определенного смыслового центра производящего, но и в заимствовании производным потенции к тому же преобразовательному акту.

Территория распространения отдельных ЛСВ может охватывать все исследуемые говоры, в результате чего образуется своего рода общий фон, на котором рельефно выделяются компоненты семантической структуры слова. Эти компоненты как бы накладываются на определенные участки общего фона, тем самым создавая в них условия для усложнения семантической структуры слова и развития многозначности, ср.: *сўткі* «промежуток времени, равный 24 часам» (общеизвестный ЛСВ, в дальнейшем — общ.), «узкий промежуток между строениями» (гродн., брест., гом., мин.), «промежуток между печью и стеной» (южн.-мин., брест., зап.-гом); *гаспада́р* «глава семьи, хозяин» (общ.), «первый ржаной сноп в начале жатвы» (гродн., южн.-полоц.); *куль*, *кулёк* «куль соломы» (общ.), «мужская верхняя одежда» (вит., мог.), «сеть для ловли рыбы» (гродн.), «задняя часть невода» (гом., мог.); *дры́гва* «трясина» (общ.), «холодец» (гродн., брест.).

В случае контактирования двух неблизкородственных ареалов (например, белорусско-литовского, белорусско-польского) направленность изоглосс, их конфигурация, характер трансформаций семантической структуры слова не всегда поддаются четкому определению. Значительное влияние на это оказывает расширение объема слов, вызванное звуковым и семантическим сходством отдельных ингредиентов слов. В результате иерархического перераспределения внутри семантической структуры слова отдельные ЛСВ, которые имели статус второстепенных, периферийных, могут актуализироваться, выдвигаться на передний план. Исходное, номинативное значение может отодвигаться на второй план, а с течением времени уже восприниматься как устарелое. При этом по-особому преломляется действие формулы метафорического и метонимического переносов, причем при метафоризации на первый план могут выдвигаться признаки, ранее находившиеся на периферии смысловой структуры слова [29]. Изменяется количественное соотношение ЛСВ в структуре слова, более заметными становятся преобразования денотативного характера, ср.: гродн., мин. *бóрць* «толстое дерево; дерево с дуплом; дупло; улей на дереве; улей», польск. *barć* «дупло с гнездом пчел; выдолбленное в расту-

³ На карте показаны ареалы распространения отдельных ЛСВ слов (а не всей совокупности значений на исследуемой территории), а также взаимодействие различных ЛСВ одного и того же слова на периферии ареала и его фонетико-морфологические преобразования.

Условные обозначения: 1 — *рум* (< польск. *gum*) «несколько строений, построенных под одной крышей»; 2 — *рум* «бревна, сложенные в лесу или на берегу реки»; 3 — *рум* «берег реки, откуда сплавляют лес»; 4 — *рум* «неоконченное строение (без крыши)»; 5 — *рум* «длина постройки»; 6 — *лѣх* (укр. *льох*) «подвал, погреб»; 7 — *лѣх* «пещера, нора»; 8 — *алѣх* «подвал, погреб»; 9 — *падбл* (10 — *пбдал*, 11 — *падблак*) «нижняя часть одежды»; «низкое место у реки, где моют белье, берут воду, поят лошадей»; 12 — *падбл* «пристань».

щем дереве дупло; отверстие в улье»; *кўльша* «бедро» (гродн., брест., вит.), «окорок» (зап.-гродн.), «способ укладки сена на телеге» (брест.), «один из крайних сеновалов в гумне; угол в стогу» (сев.-гродн., брест.), «конечная часть телеги» (гродн.), «головка полоза саней» (брест.), «кривая палка; хромо́й человек» (вост.-гродн.), литов. *kūlsė, kūlsis* «бедро, поясница; угловой сеновал в гумне; боковая часть ткацкого станка»; гродн., полоц. *рбѣст, рбѣста* «заросшее болото, обычно в лесу; заросли в лесу; низкое место, поросшее деревьями; небольшой водоем; беспорядок» (< литов. *raištas* «то же»).

Исследование полисемантов в народных говорах невозможно без учета стратификационной вариативности, обнаруживаемой даже в пределах одного говора и детерминируемой различного рода факторами (возрастом, полом, образованием, социальным положением, видом деятельности или профессией информатора) [30, с. 145; 31]. Эта вариативность, как было показано экспериментально, влияет и на позицию смыслового центра [32], и на интерпретацию семантических связей между значениями полисемантов [33]. Коннотативные мотивации, а также виды вторичной номинации преломляются в говоре чаще всего в зависимости от социальной актуализации, понимаемой как частный случай стратификационной вариативности. Эта актуализация обусловлена в основном действием социального фактора — видом деятельности информатора [30, с. 146] — и выражается в образовании целого ряда индивидуальных (окациональных) номинаций, которые с течением времени и по разным причинам могут приобретать статус узусальных. Правда, в говорах чаще всего наблюдается обрат-

ная тенденция, выражающаяся в специализации (конкретизации) значений общеупотребительных слов, что приводит к образованию терминологических единиц и является следствием отражения общего процесса лексической дифференциации диалектной лексики. Как правило, наиболее специализированные значения являются менее употребительными с точки зрения их частотности, а менее специализированные ЛСВ являются более употребительными [34, с. 57], частотными в народной речи. На лингвогеографической карте не всегда удается передать этот момент, ибо варианты слова могут активно использоваться в довольно узком регионе и образовывать наполненный тип ареала и, наоборот, быть распространенными на относительно широкой территории, но употребляться лишь в ограниченных контекстах, образуя тем самым ненаполненный тип ареала, ср.: *сўжрак* брест., южн.-мин., гом., мог., вит. «скрученная петля или узел на нитях полотна», брест., гом. «кривое суковатое дерево», брест., гом., южн.-мин., вит. «смолистый сосновый корч», гом. «гнутой кусок бревна» (ареалы в этих случаях носят характер ненаполненных, ЛСВ отмечаются не во всех населенных пунктах занимаемого вариантом ареала), гродн., южн.-полоц., зап.-мин. *канцёр* «короткая поперечная борозда; неоконченная грядка; конец бревна, веревки; недогорелое полено; недокурная сигарета» (ареалы ЛСВ в этих случаях занимают довольно компактную территорию, примыкающую к литовским говорам, характеризуются достаточной наполненностью).

Употребительность слова играет важную роль в развитии многозначности. Чем чаще употребляется слово, тем больше у него возможностей стать многозначным [35]. Степень многозначности слова, зависящая от частоты употребления, обусловлена и контекстной реализацией его ЛСВ. Особенно тесно связана с контекстными условиями вторичная номинация — «неисчерпаемый резервуар развития значения слова», т. е. по сути дела ресурсы контекстообразования неисчерпаемы [36]. Учет достаточно большого числа контекстов или дистрибутивных свойств, т. е. применение дистрибутивно-статистического метода [34; 37; 38] вместе с лингвогеографическим анализом полисемантов позволяет определить не только всю совокупность ЛСВ слова и силу семантических связей между ними, но и произвести классификацию ЛСВ. В этом случае основным критерием разграничения ЛСВ является частота их употребления в определенных контекстах, а также отдельных микро- (макро-) участках (диалектах). Такой подход к анализу полисемантов позволяет также определить степень близости и меру специфичности лексико-семантических систем различных говоров, ибо конечные результаты исследования разных языковых уровней (например, фонетического и семантического, морфологического и семантического) могут не совпадать.

Процессы семантической дифференциации и интеграции диалектной лексики расширили свои возможности в связи с притоком в народные говоры большого числа слов литературного языка, а также широким распространением белорусско-русского билингвизма. В системе диалекта происходит своеобразное столкновение нескольких семантически неоднородных (или подобных) структур, следствием которого является четкая (особенно на первом этапе) дифференциация элементов литературного языка и говоров, постепенно стирающаяся и переходящая в размежевание денотативной соотнесенности, где уже на первый план выдвигаются различия в характеристике реалий (размерах, форме, наличии или отсутствии дополнительных деталей, функциональных особенностях и пр.). В отдельных случаях вновь образованный (или модифицированный) ЛСВ теряет инвариантную общность с литературным языком и отражает неожиданные психологические ассоциации, часто необъяснимые для исследователя. Такие явления, получившие наименования «семантических отлетов», по мнению Т. С. Коготковой, носят универсальный характер при межъязыковых и литературно-диалектных взаимодействиях [12, с. 150—151; 39].

Факультативность, ситуативная прикрепленность отдельных ЛСВ в разговорной речи вызывает часто неточность или приблизительность

употребления, что порождает яркое своеобразие диалектного слова — «диффузию его семантики» [13, с. 303]. В этом случае границы между отдельными ЛСВ порой невозможно определить из-за тесной спаянности и взаимопроникновения отдельных частных смыслов слова, общности отдельных семантических элементов для всех его значений [13, с. 303; 15, с. 11; 37, с. 132; 40, с. 78—80; 41; 42]. Мотивируясь, как правило, общим признаком, все ЛСВ не являются производными по отношению друг к другу и в то же время не могут быть сведены к некоему общему инвариантному значению, хотя такие попытки имеются ⁴.

Диффузность семантики слова определенным образом связана с пространственной диффузией, когда неопределенность, нечеткость объема ЛСВ дополняется расплывчатостью, размытостью его территориальных границ и взаимопроникновением отдельных семантических особенностей ЛСВ различных говоров. Семантическая и пространственная диффузии могут быть совместимы в пределах небольшого ареала, но уже в последующих территориальных звеньях наблюдается четкая дифференциация значений, т. е. утрата семантической диффузии. Сохранению пространственной диффузии в этих же звеньях способствует неодинаковое количественное соотношение ЛСВ в каждом отдельном говоре [на лингвогеографической карте это бы отразилось в передаче различного рода знаков (иногда нескольких, соответствующих каждому из значений), указывающих на объем семантической структуры слова], а также различия качественного, смыслового порядка (при этом количественное соотношение ЛСВ в различных говорах может совпадать). В отдельных случаях семантическая и пространственная диффузии совмещаются на всех участках (изменение территориального распространения ЛСВ и смысловых границ между ними может осуществляться и одновременно), на всей территории говоров, ср.: *бясёда* «гости, компания; разговор в гостях; свадьба; родственники жениха или невесты» (ЛСВ не имеют четкого распространения, известны большинству белорусских говоров, образуют спорадический, ненаполненный ареал). На характер пространственной диффузии значительное влияние оказывают и территориальные границы полисеманта в целом. Различная степень взаимопроникновения значений слова на различных территориальных участках, диффузный, нечеткий ареал распространения отдельных ЛСВ дополняется в этих случаях размытостью (или вообще отсутствием) ареала распространения самого полисеманта.

Пространственный фактор оказывает огромное влияние на организацию семантической структуры слова и внутреннее соотношение ЛСВ в ней. В каждом из говоров смысловая структура слова трансформируется в зависимости от его структурно-системной организации, в результате чего даже в близко расположенных диалектах трудно обнаружить совершенно одинаковые модификации (при этом, конечно, нельзя отрицать общих семантических закономерностей). Разница здесь может быть качественной и количественной. Качественная сторона проявляется прежде всего в изменениях денотативного характера, которые вначале носят частный характер (в этом случае еще не фиксируется образование нового ЛСВ, а отмечается его оттенок). Но уже в говорах, не связанных территориально, ЛСВ приобретает новые признаки и характеристики, называя в конечном итоге иной денотат (здесь уже фиксируется новый ЛСВ). Различная денотативная соотнесенность влияет определенным образом на направление изоглосс, которые в ряде случаев не совпадают с изопрагмами. Качественные изменения семантической структуры слова преломляются и в хронологическо-территориальной характеристике ЛСВ (наличии или отсутствии преемственности в семантическом развитии, фиксации реликтовых ЛСВ наряду с новыми, чаще всего пришедшими из литературного языка и соседних говоров), стилистической и эмоционально-экспрессивной

⁴ Среди отечественных исследователей попытки выделения общего значения не получили достаточно широкой поддержки, а наоборот, подверглись серьезной критике [см. 34, с. 152—153; 40, с. 72; 43; 44—47]. Мы разделяем взгляды на понимание общего значения как широкой понятийной соотнесенности, широкой сферы употребления, широко развитой смысловой структуры.

характеристиках ЛСВ (различиях коннотативного характера), дистрибутивных свойствах, особенностях метафорического и метонимического переносов и мн. др. В качественном и количественном отношении в различных говорах происходит преобразование семантических связей ЛСВ, выражающееся не только в частичной трансформации схем и моделей, но и полной их перестройке. Фактор включения (или выпадения) некоторых звеньев семантической структуры слова на определенных территориальных участках способствует замене радиальной схемы семантической связи цепочечной и наоборот, разнообразным модификациям этих связей, а также преобразованию эпидигматических связей (связей семантической производности, по Д. Н. Шмелеву) в параллельные (этот процесс наименее активен) и затемнению гипонимических (родо-видовых) отношений, ср.: *зѣлле* «лекарственные травы» → «настой из них» (общ.), «лекарственные травы» ↔ «сорняки» (общ.), «сорняки» → «семена сорняков» (вит.), «сорняки» → «мусор, отходы при веянии зерна» (вост.-вит.); *луг* «сенокосное угодье» (общ.) → «заливной луг» (общ.) → «низкое заболоченное место» (брест., вост.-мог., южн.-мин.) → «болото» (гродн., зап.-мин., брест.) → «небольшой природный водоем» (полоц., гродн., брест.) → «яма с водой, которая не высыхает летом» (южн.-мин., гом.): «едкий щелочный раствор» (зап.-белорусск.), но ср.: «небольшой природный водоем : суходольный луг» (мог.).

Количественное соотношение ЛСВ у полисемантов непосредственным образом связано с территориальным фактором, ибо большой перечень ЛСВ слова еще не говорит о сложности его структуры (не все ЛСВ могут функционировать в единой коммуникативной общности). Объединяясь многообразными семантическими связями, ЛСВ в говорах, по существу, образуют некую пространственную структуру, где на отдельных участках этого лингвистического пространства реализуются определенные ее компоненты. Семантическая связь между ЛСВ на ближайших участках очевидна в силу территориальной контактности диалектных систем, но уже на последующих участках она становится менее ощутимой. Момент территориальной связи не всегда учитывается при классификации ЛСВ в диалектной лексике, где за основу берется их производность, контекст, валентность и другие факторы (по сути дела те же, что и в полисемантах литературного языка). На наш взгляд, целесообразно выделение группы междиалектных ЛСВ, считая критерием их разграничения отсутствие пространственных точек соприкосновения при наличии семантической связи. Такие ЛСВ в народных говорах преобладают. Однако отнесение их в эту группу относительно по двум причинам: неполной (частичной) фиксации элементов семантической структуры слова и исчезновения отдельных звеньев структуры слова (с синхронной точки зрения) в народных говорах.

Таким образом, варьирование полисемантов и их компонентов в народных говорах находится в непосредственной зависимости от универсальных семантических закономерностей (они вытекают из общности происхождения диалектов и общности их развития в современных условиях), а также от специфических, локальных особенностей каждого из говоров, которые обуславливают специфику диалектной лексики вообще. В каждом отдельном говоре происходит своеобразное сплетение частных, локальных особенностей с общими семантическими закономерностями, которые преломляются и трансформируются в зависимости от характера и сложности ареальной ситуации (наличия контактов с соседними диалектными массивами и пограничными говорами, полилингвизма, субстратных и реликтовых явлений, географических особенностей местности, административно-территориального деления), расположения элементов полисеманта относительно ареала (на периферии ареала ЛСВ менее четки, факультативны, семантическая структура слова более открыта, незамкнута, в центре ареала полисеманты более стабильны), стратификационной вариативности, денотативной соотнесенности, направления изограмм, влияния литературного языка, а также от взаимодействия семантических особенностей слова с его фонетико-морфологическими особенностями.

1. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, карта 337.
2. Інструкцыя па збіранню матэрыялаў для лексічнага атласа беларускай мовы. Мінск, 1971.
3. Mały atlas gwar polskich. T. I—XII. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1957—1969.
4. Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. I—XIII. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962—1980.
5. Lietuvių kalbos atlasas. I. Leksika. Vilnius, 1977.
6. Урбанчик С. Замечания о семантике в Общеславянском лингвистическом атласе.— В кн.: Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968.
7. Утешены С. К изучению семантики слова в рамках ОЛА.— В кн.: Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968.
8. Коннова В. Ф. Об одной лексико-семантической группе в ОЛА (слова со значением «имущество», «скот», «хлеб»).— В кн.: Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968.
9. Клепикова Г. П. Из опыта картографирования славянской лексики (в связи с проблемой семантического микрополя).— В кн.: Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968.
10. Клепикова Г. П., Усачева В. В. Лингвогеографические аспекты семантики слова *žito в славянских языках.— В кн.: Общеславянский лингвистический атлас (Материалы и исследования). М., 1965.
11. Чумакова Ю. П. К вопросу о семантическом варьировании слова *krosna/krosno у славян.— В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972.
12. Козоткова Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М., 1979.
13. Козоткова Т. С. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования.— В кн.: Славянская лексикография и лексикология. М., 1966.
14. Лужанова Н. А. Некоторые вопросы диалектной лексикологии. Новосибирск, 1979.
15. Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973.
16. Блинова О. И., Арьянова В. Г. К вопросу о лексико-семантическом варьировании слова и омонимии в говорах. В кн.: Вопросы русского языка. Томск, 1965.
17. Корованенко Т. А. Особенности многозначности и омонимии в лексической системе диалекта.— В кн.: Вопросы межкурвенного анализа языков различных типов. М., 1979.
18. Демидова К. И. К проблеме выделения лексико-семантической парадигмы в языке диалектного типа.— Научн. тр. Свердловского гос. пед. ин-та, 1975, сб. 1, 253.
19. Черепанина Л. И. К проблеме семантики оронимических терминов (на материале Тамбовской области).— В кн.: Вопросы семантики русского языка. М., 1976.
20. Чайкина Ю. И. Эмоционально-оценочная лексика со вторичными значениями в череповецких говорах.— Уч. зап. Вологодского пед. ин-та, 1967, т. 33, вып. 2.
21. Орлов Л. М. Семантические варианты в диалектной лексической системе (на материале говоров Волгоградской области).— ФН, 1969, № 6.
22. Сими́на Г. Я. К характеристике лексико-семантической системы диалекта (по материалам пинежского говора).— В кн.: Вопросы семантики. Л., 1974.
23. Сердюкова О. К. Об особенностях диалектной семантики (на материале некрасовского говора).— В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1976.
24. Павел В. К. Семантические различия слова в территориальном и хронологическом аспектах.— Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тезисы докладов. М., 1975.
25. Сороколетов Ф. П. Семантическая структура слова в диалектных словарях.— В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972.
26. Назарова Т. В. Из наблюдений над междиалектными контактами (к понятию сопротивления системы).— В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и сообщения. 1973. М., 1975, с. 98.
27. Словарь современного русского народного говора. М., 1969.
28. Осовецкий И. А. Словарь говора деревни Деулино Рязанского района Рязанской области.— В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964, с. 178.
29. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. О компонентном анализе значимых единиц языка.— В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 299.
30. Трифоновас Я. С. Явление социальной дифференциации диалектной лексики в островном говоре.— В кн.: Проблемы внутренней и внешней лингвистики. М., 1978.
31. Стернин А. И. Проблема анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979, с. 83.
32. Левицкий В. В. Экспериментальные данные к проблеме смысловой структуры слова.— В кн.: Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971, с. 158.
33. Жордания С. Д. Семантическая структура полнзначных слов (на материале русского, грузинского и английского языков). Тбилиси, 1979, с. 25.

34. Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля. — В кн.: Лексикографический сборник. Вып. V. М., 1962.
35. Морковин В. В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографической интерпретации. — В кн.: Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М., 1981, с. 155.
36. Кошанский Г. В. Контекстная семантика. М., 1980, с. 107.
37. Плотников Б. А. Дистрибутивно-статистический анализ лексических значений. Минск, 1979.
38. Шайкевич А. Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
39. Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы): Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук М., 1979, с. 30.
40. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973, с. 78—80.
41. Баранникова Л. И. Специфика многозначности слова в диалектной речи. — В кн.: Лексика, терминология, стили. Вып. 6. Горький, 1977, с. 11.
42. Жельская О. С. О семантическом своеобразии слова в устной народной речи. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1969, с. 272.
43. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965, с. 45—54.
44. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968, с. 104.
45. Степанова Г. В. Семантика многозначного слова. Калининград, 1978.
46. Васильев Л. М. Полисемия. — В кн.: Исследования по семантике. Вып. I. Уфа, 1975, с. 3—4.
47. Жукова Т. В. Об оправданности выделения широкого значения как особого типа лексических значений слова. — В кн.: Исследования по семантике русского языка (Лексическая и словообразовательная семантика). Уфа, 1979, с. 23—30.